

**ЭХО ЭПОХИ:
СТИХИ И ПРОЗА**

**НИКОЛАЙ
ЯКУШЕВ**

**ПЕРЕЖИТЫХ
ГОДОВ ЭТАЖИ**

Николай Якушев

Пережитых годов этажи

Арт-Холдинг «Медиарост»

2018

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6Яро

Якушев Н. М.

Пережитых годов этажи / Н. М. Якушев — Арт-Холдинг
«Медиарост», 2018

ISBN 978-5-6040128-1-9

Книга, которую вы держите в руках, продолжает серию изданий «Эхо эпохи», в которой сложные перипетии русской истории прошлого века представлены уникальными, но практически неизвестными читательской аудитории свидетельствами – в форме дневников и мемуаров, стихов и прозы. Живые голоса не тех, кто «делал» историю, а тех, кто её «претерпел», позволяют взглянуть на наше прошлое, вооружившись стремлением понять, поняв же, – сострадать. Книга избранных стихотворений Николая Якушева (1916–1983) уже третья в серии «Эхо эпохи». Перед этим вышли в свет «Записки доктора» Константина Ливанова и мемуары вологодского крестьянина Ивана Юрова «История моей жизни».

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6Яро

ISBN 978-5-6040128-1-9

© Якушев Н. М., 2018
© Арт-Холдинг «Медиарост», 2018

Содержание

У времени в плену	5
«Загорались мы...»	13
«Вот и всё!..»	14
«Опять лесами бродит осень...»	15
«Сквозь даль годов, из полумрака комнат...»	16
Березка	17
«Ночь и снег. Окно, как негатив...»	18
«Дикий край – болота, ельник...»	19
«Сейчас, наверное, на юге...»	20
Поросль	21
Летний дождь	22
Как приходит весна	23
«Чернила – не кровь...»	25
«Жухлый лист с оголенной крушины...»	26
«Ветрам пока еще не время...»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Николай Якушев

Пережитых годов этажи

У времени в плену

Время, в котором живет поэт, во многом определяет его творческую судьбу. Николай Михайлович Якушев родился в Москве в 1916 году – за год до Октябрьской революции и за два до начала Гражданской войны. Отец его, участник революционных событий, в 1918 году вступил в РКП(б), в 1920-м был направлен на Кубань в ЧК, где состоял в «тройке» по борьбе с бандитизмом, а затем перевелся на партийную работу в КК РКИ (контрольную комиссию – рабоче-крестьянскую инспекцию). Мать, как упоминает сам поэт в одном из стихотворений, была «простая рабочая».

Детство Николая прошло на Кубани, здесь он учился в школе колхозной молодежи. Эти годы Николай Михайлович описывает в своих стихах обобщенно – ранние впечатления скупы, конкретных деталей и примет времени мало. Наверное, всё заслонили последующие события, после которых он уже на многое смотрел иначе. Вот, например, характерный отрывок из стихотворения «Воспоминание о детстве»:

Когда-то
по утрам я просыпался,
наполнен светлой радостью рассвета,
тревожным и счастливым ожиданием

того,
что в этот день произойдет.
Мир открывался
яркий и веселый...

Несмотря на все тяготы и страшную обстановку тех лет, светлое и радостное запомнилось ярче, иное – стерлось в памяти.

Первые стихи Николай Якушев начал писать еще в пятом классе. В 1933 году семья переехала в Воронеж, где будущий поэт поступил в педагогический институт на литературный факультет.

В начальном периоде жизни Николая Якушева всё складывается неплохо: стихи печатаются в областной газете, приходит первая любовь... Память о ней поэт хранил всю жизнь, что отразилось в его творчестве:

Смешно, что я полжизни берегу
тебя такой, как в первый день потери.
Что жизнь прошла – поверить я могу,
что ты прошла – я не могу поверить.

Так переживает он утрату в стихотворении «Десятый вальс», посвященном Евгении Колесниковой.

Но уже другое время преподнесло внезапный удар – пресловутый 1937 год. Студент, начинающий поэт Николай Якушев был арестован по надуманному обвинению. На полтора десятилетия его жизнь определил лагерный режим. «Судьба моя человеческая, а стало быть, и писательская, была запрограммирована в 1937 году. С этого года вся моя жизнь и деятельность была подчинена алгоритму человеческой подлости», – расскажет позже в своих дневниках Николай Михайлович. В стихотворении «Стихи из сожженной тетради» поэт напишет:

Тетрадь из случайной бумаги
я сшил самодельной иглой.
.....
Я был не пророк, не оракул,
не слышался в строчках металл,
когда их друзьям по бараку
вполголоса ночью читал.
.....
Стихи из сожженной тетради
не выдалось мне уберечь —
при обыске их надзиратель
торжественно выбросил в печь...

Несомненно, судьба жестоко обошлась с ним, но в то же время – закалила, позволила выжить и реализовать себя в творчестве. Николаю Михайловичу пришлось сменить много профессий: он был и шахтером на Колыме, и лесорубом в Архангельской области, и землекопом, и грузчиком, но никогда не забывал поэзию, продолжал писать стихи в лагерях. Последние годы перед освобождением провел в Волголаге.

В 1953 году Якушев был освобожден, а в 1959-м полностью реабилитирован «за отсутствием состава преступления». Можно представить себе состояние человека, отбывшего такой значительный срок в заключении.

После освобождения Николай Михайлович вернулся к родителям в Краснодар, а затем в 1954 году переехал в Рыбинск. Здесь он работал старшим бухгалтером цеха на кабельном заводе, бухгалтером в судоремонтных мастерских и на ремонтно-эксплуатационной базе речного флота, литературным сотрудником газеты «Рыбинская правда».

Очередной, третий период жизни поэта вновь оказался нелегким... Но стихи продолжали рождаться, их стали печатать в газетах, а затем и в журналах. Правда, строки о наболевшем появляются лишь в конце 1950-х – начале 1960-х годов, когда «с трибуны XX съезда объяснили» безвинно пострадавшим, кто же они есть. Суровый жизненный опыт дал понять многое, но далеко не всё, мучили вопросы: почему, за что, как такое случилось? Главный урок его стихов об этом – урок сохранения человеческого достоинства в условиях, когда «выстоять в тени» было невероятно сложно. У Якушева нет ярости Шаламова и публицистического пафоса Солженицына, – он напряженно пытается переработать, пережить, перетерпеть выпавший ему на долю драматичный экзистенциальный опыт. Итогом этих размышлений о себе и товарищах по судьбе – «как мы недолюбили, что мы перемолчали» – стал цикл стихов, озаглавленный «У семидесятой параллели». Он мог бы стать обширней, но оттепель закончилась быстро.

В 1959 году выходит в свет первый поэтический сборник Николая Якушева – «Высокий берег», а затем еще два – «Старт» (1962) и «Годовые кольца» (1964). Начало и середина 1960-х складываются для Николая Михайловича удачно: его принимают в Союз писателей СССР, начинается профессиональная литературная деятельность, строятся творческие планы. В журналах появляются новые публикации, подборку стихов Якушева печатают во всесоюзном сборнике «День поэзии» – приходят успех и признание.

В 1967 году Николай Якушев с отличием окончил Высшие литературные курсы в Москве. К сожалению, это время нельзя считать плодотворным – очередная его книга, «Стихи», содержит многое из прежних сборников.

Это был уже четвертый временной период в жизни Николая Михайловича, который закончился для него драматично. В мае 1967 года Николай Якушев участвовал в работе съезда Союза писателей СССР, где было распространено протестное письмо А. И. Солженицына к властным верхам – в нём он выступал против цензуры, процветающей в книгоиздании. Якушев привез письмо в Рыбинск и поделился этим документом, который считался закрытым, с друзьями. Возможно, ничего бы и не произошло, если бы Солженицын не продолжил свою конфронтацию с властями. В обстановке обострения ситуации факт распространения письма не мог остаться незамеченным соответствующими органами.

Так начался последний этап жизни поэта. Якушев был уволен с работы и долгое время не мог устроиться на другую. На собрании Союза писателей коллеги объявили ему строгий выговор. В своих дневниках Николай Михайлович пишет: «В дом пришла нищета. Мы залезли в долги, из которых неизвестно, как будем выпутываться. Кора (жена поэта. – С. Х.), чтобы как-то облегчить положение семьи, нанялась мыть лестницу и лестничные площадки в доме. Старший инженер-экономист, по совместительству – уборщица. Здорово!»

Литературная деятельность поэта тоже значительно усложнилась. Связи с Москвой оборвались, друзья постарались отстраниться, опасаясь возможных последствий. Но к Якушеву всегда тянулась молодежь, он принимал постоянное участие в работе литературного объединения при редакции городской газеты. Материальные трудности несколько сгладились после устройства на работу редактором рыбинского кинопроката и выхода в 1973 году книги «Вторая половина дня». Мучительней всего было отторжение от большой литературы. Тяжелые переживания дали, если можно так сказать, свои печальные плоды:

Жил бездумно, бесшабашно как-то,
веря в случай, в небывалый фарт.
Так вот и добрался до инфаркта,

а инфаркт – довольно грустный факт.

Это четверостишие из дневника Николая Якушева. Там же мы встречаем разъяснение от 31 июля 1976 года: «...19 марта меня на носилках вынесли из дому, всунули в “скорую” и отвезли в Пироговскую больницу...» Позднее он расскажет об этом нелегком эпизоде в стихотворении «В больнице»:

Бессонное, залеженное ложе,
бел потолок, нависший над тобой.
Как ночь прожить, когда уснуть не можешь,
и даже мысли причиняют боль.

.....

Звучит сверчка назойливого зуммер,
переплелись с тягучей явью бредь.
Как, в сущности, легко тому, кто умер,
в сравнении с тем, кто должен умереть.

Такие стихи и определяют масштаб поэтической личности Якушева, его умение осмыслить реальность в русле русской философской лирики.

Когда он вышел из больницы, жизнь его практически не изменилась – Николай Михайлович оставался таким же весельчаком, балагуром, душой любого литературного мероприятия. Только после прочтения дневников поэта – уже после его смерти – стало понятно, насколько сильным был этот изломанный судьбой человек. О стойкости духа Николая Якушева можно говорить много. Даже совсем невеселые моменты его жизни выливались в ироничные строки:

Люблю, когда в семье уют,
покой с утра до вечера,
и денег куры не клюют,
так как клевать им нечего.

Или другие:

Уже коммунизма сверкающий берег
встает перед взором на светлой волне,
поскольку процесс отмирания денег
в кармане моем завершился вполне.

Старость тоже не повод для оптимизма, но и на эту серьезную тему у Якушева рождаются стихи, трогающие какой-то игривой смешинкой:

Загруститса иногда —
мало дней осталось.
Неужели навсегда
наступила старость?

Слушай, милый человек,
говорю уверенно:
старость – это не навек,
старость – это временно.

Николай Михайлович Якушев 1950-1980-х годов – это тот человек, который поднял рыбинскую поэзию на достаточную высоту. Он был примером для нескольких поколений, настоящим наставником, который учил не только словами, но и поступками, своим поведением, запоминающимся образом.

Николай Михайлович успел написать, к сожалению, сравнительно немного. Причины этого кроются в непростой судьбе поэта. И всё же, несмотря на тяжелейшие испытания, Николай Якушев оставался жизнелюбом. Об этом говорят строки его стихов.

Образы родной природы лучше всего выражали состояние души поэта с юных лет. Вот стихотворение Якушева 1934 года:

За окнами цвело
и розовым, и белым.
Бессильное стекло
зарю сдержать не смело.

Она прошла насквозь,
и цветом спелых вишен
по стенам разлилось
вечернее затишье.

А вот другое, написанное в конце жизни (1983):

Апрель...
И почва подопрела,
и почки пухнут в тишине...
Земля заметно подобрела
по отношению ко мне.
Не в этом суть,
что снова строчки
пути наметили мои,
что под ногой пружинят кочки,
подстилка умершей хвои.
Мне это всё давно знакомо,
мне важно перейти между,
где по неписанным законам
в природу я перехожу.

Во втором стихотворении Николай Якушев становится провидцем своей судьбы, ведь ушел из жизни он именно в том апреле.

А между этими стихами было немало других, в которых природа являлась поводом для раздумий, как, например, в стихотворении «Это было на речке Кулой»:

Это было на речке Кулой.
Мне теперь не припомнить фамилий.
По старинке – лучковой пилой
мы в делянке сосну повалили.
.....
Видно, падать обидно для всех.

И она свилеватое тело,
опираясь ветвями о снег,
от земли оторвать захотела.

.....

В час, когда скараулит конец,
не покинь нас, желанье простое:
независимо – сколько колец,
умереть обязательно стоя.

Обычный факт действительности – спиленное дерево – воплощается в художественном обобщении, определяющем жизнь заключенного, да, впрочем, и любого человека. Для поэта природа – мудрый друг, собеседник, сострадатель.

В стихах Николая Якушева много сокровенного, личного. Он очень тонко и образно говорит о своем прошлом. Людям, знакомым с Николаем Михайловичем, в его строках раскрывается весь тот смысл, который, может быть, не сразу прочитывается другими.

Всё в снегу – в густой скрипучей вате,
как и в том провьюженном краю...
Вот опять мне папирос не хватает,
чтоб припомнить молодость свою.

Только зная его судьбу, можно догадаться, какие именно события вспоминает поэт. Или еще:

Что мне вторая половина дня
и приближенье неизбежной даты?
Я не страшусь – давным-давно когда-то
уже однажды не было меня.

Да, Николая Якушева могло не быть уже в 1937-м или чуть позже... Но он выстоял. Его предавали, пытались оклеветать, задушить в нём творческие порывы. Вопреки всему Николай Михайлович стремился жить яркой, полной жизнью. Он сам сказал об этом удивительно светло и точно:

Время талых апрельских потоков.
Небеса беспредельно ясны.
Я опять в напряженье, под током
кровеносной и шалой весны.

Мне за всё воздавалось сторицей.
Хоть тобой не насытился власть,
жизнь, тебе благодарен, столикой,
за любую твою ипостась.

Лишь не будь равнодушно-жестокой —
за любовь мою к людям Земли,
время шалых весенних потоков
для меня, если можешь, продли.

Эти строки Николая Якушева являются одними из самых важных для понимания его мудрости и силы духа.

В конце жизни Николай Михайлович в своих дневниках часто возвращается к прошлому, вспоминает былое – спокойно или с горьким сожалением. Он много читает, черпает в литературе мудрые мысли, размышляет о современности, слишком часто удручающей его. Теперь уже нечего скрывать ни от себя, ни от других, не приходится ждать от реальности чего-то нового. За два месяца до смерти Якушев напишет в дневнике: «Прошел месяц со времени последней записи. Ничего не изменилось, всё, как было – ем, сплю, читаю, что попадется. Не пишу и, кажется, ничего больше писать не буду. Зачем? Хотя хотел бы писать что-то вроде раздумий о прожитом: “Жил-был я”».

Это, по сути, прощальное откровение, сквозь горечь которого прорывается надежда, желание еще что-то сказать. И память остается с ним, теперь ее время:

Ночь спустилась черная, как деготь,
стужей потянуло от реки.
Не спеши воспоминанья трогать,
для последних дней побереги.
Вот тогда на всё, что в даль отплыло,
можешь поглядеть со стороны.
И понять, что «не было» и «было»,
может быть, между собой равны...

Глубокие, выстраданные строки много повидавшего и пережившего человека.

У любого творца есть сильные и слабые произведения. Поэта судят не по провалам, а по вершинам, по его достижениям, которых, несомненно, у Якушева было немало. «Мальчик, играющий разноцветными раковинами...», «Сквозь даль годов...», «Не знаю, сколько ты ждала...», «Я плохо верю в дружбу тех...», «Крушение легенды...», «В окно вагона, словно в прошлое...», «В старом русском городе...», «Ода подлецам», «Жизнь прошла не под звуки победного марша...» – эти стихи Николая Якушева надо читать не ради праздного удовольствия, а для осознания того, что нам дается на земле, – ценности жизни во всех ипостасях, как определил для себя он сам.

Сергей ХОМУТОВ,
*член Союза писателей России,
заслуженный работник культуры РФ*

«Загорались мы...»

Загорались мы
и потухали,
как других таких же
целый ряд...
В молодости многие стихами
так, как мы,
немножко говорят.

Но у первого же
поворота
обвиним себя
в растрате сил,
станет стыдно вспоминать,
как что-то
в молодости жарко говорил.

Обрастем упрямым равнодушьем,
и тогда
не очень и далек
час, когда расчетливо затушим
тлеющий безумством уголек.

Сединой изъеденная белой,
оборвется жизненная нить.
И за то, что ничего не сделал,
не придется
никого винить.

«Вот и всё!..»

Вот и всё!
На карнизе под крышей
над паденьем повисла вода.
Я поднял воротник и вышел,
чтоб сюда не прийти никогда.

Падал снег.
Я хотел быть резким,
я хотел засвистать – и не мог.
И окошко твое с занавеской,
отраженное, блекло у ног.

Вот и всё.
Так любовь кончалась,
холодок пробегал по спине,
и фонарная тень качалась
на широкой кирпичной стене.

Что осталось?
Сказать со смехом,
что признанья мои – чепуха?
Я ушел, заштрихованный снегом,
а в окне твоём – свет потухал.

«Опять лесами бродит осень...»

Опять лесами бродит осень.
На сучьях вымокших осин,
на темных кронах медных сосен
висит заплаканная синь.

Листвы сырая позолота,
щетина ржавая хвои.
Сквозь буреломы и болота
тропинки тянутся мои.

И я иду, скользя по грязи
дождем иссеченных крутин.
Передо мной, пока без связи,
куски разрозненных картин.

Короткий взлет пугливой цапли,
как бы застывшей на весу.
Брусники кровавые капли
одеты в знобкую росу.

Стоит рябина в яркой кофте.
Берез лимонно-желтый лист.
И корневищ железных когти
в суглинок намертво впились.

И эти корни, травы, тучи
скупая память соберет,
чтобы хранить на всякий случай
и через жизнь нести вперед.

Чтобы за сотни километров
тот край, с которым я знаком,
пахнул в лицо сентябрьским ветром,
лесным и влажным сквозняком.

«Сквозь даль годов, из полумрака комнат...»

Сквозь даль годов, из полумрака комнат
он вновь возник – забытый образ твой...
Какой-то вечер обо мне напомнит
в твое окно влетающей листвой.

И вспомнишь всё, что спрятано за бытом:
начало дней, своей любви исток,
что ты сама – брошенный, забытый,
с моей судьбы оборванный листок.

А может, просто, сжав листок губами,
ты проследишь, как меркнет свет денной?
Не зря за то, чтобы молчала память,
мы заплатили ранней сединой.

Березка

Рассвета скупая полоска,
за ветром летят журавли.
Напрасно за ними березка
стремится сорваться с земли.

В ненужных усилиях мучась,
дрожит, как дрожит человек.
С землей ее горькая участь
корнями связала навек.

А ей бы свободу такую,
чтоб птицы догнать не могли...
И кто ей, смешной, растолкует,
что небо беднее земли?

Что вся ее радость на свете
и общее счастье со мной —
любить это небо и ветер,
навек оставаясь земной.

Останься земною, лесною,
до солнечных дней подремли.
А птицы вернутся весной,
им тоже нельзя без земли.

«Ночь и снег. Окно, как негатив...»

Ночь и снег. Окно, как негатив.
Вьюга бьется в запертые двери.
Спит рояль. В нем навсегда затерян
нас когда-то сблизивший мотив.

Много лет ненужно одинок —
нет, не ради собственной причуды, —
на твои знакомые прелюды
я, как путник, шел на огонек.

Мне и до сих пор они близки,
звуки догорающего скерцо.
Чье теперь опутывают сердце
легкой паутинкою тоски?

Ночь в снегу. И прошлое в снегу.
На висках лежит печальный иней.
Но твое застенчивое имя
я, как сказку детства, берегу.

«Дикий край – болота, ельник...»

Дикий край – болота, ельник,
путевой поет рожок.
На колючий можжевельник
мелкий падает снежок.

Первый снег ложится ровно.
День хорош и путь далек.
Две подружки у перрона
и с двухрядкой паренек.

Грустно машут: «До свиданья!»
уходящим поездам.
Гармонист ведет «Страданье»
по нехоженным ладам.

Дрогнут медленно вагоны,
сбоку выплывет лесок —
и уйдет запечатленный
жизни маленький кусок.

И опять, качнувшись косо,
замелькают провода,
заработают колеса
монотонно, как всегда.

Снова вьется лента дыма
сквозь холодный отблеск дня.
И колес не удержи́ма,
бестолкова болтовня.

«Сейчас, наверное, на юге...»

Сейчас, наверное, на юге
цветут весенние сады.
А мы на малой речке Юге
до чистой дожили воды.

Всю ночь встревоженно и громко,
пока совсем не рассвело,
под синей грудю обломков
река дышала тяжело.

Но, как от вынужденной ноши,
освободившись ото льда,
лишь блески солнечных горошин
колышет светлая вода.

Над берегов высокой кручей
простор такой голубизны,
что видишь в нем счастливый случай,
удачу северной весны.

И слышно с этого откоса,
как бродит молодость в крови
и чайки, мчащиеся косо,
кричат пронзительно:
– Живи!

Поросль

Суходол, кустарники да кочки,
крупная, как ягоды, роса.
Сосны, оперенные подсочкой,
медленно уходят в небеса.

Утро разгорается несмело,
только набирая синеву,
и косые солнечные стрелы
в мокрую вонзаются траву.

Лес звенит скороговоркой птичьей,
где-то в травах булькает ручей.
Лишь стволов дремотное величье
не обеспокоено ничем.

Сквозь труху распавшейся осины,
росною обрызганный водой,
жизни огонек неугасимый
порослью пробился молодой.

Елкой или робкою рябиной,
клейкою березовой листвой
тянется, вовек неистребимый,
утверждая жизни торжество.

Стоит повнимательней взглядеться
не в стволы могучую красу,
а вот в это тоненькое детство
в вечно обновляемом лесу.

Летний дождь

С утра еще птицы об этом кричали,
но туча, казалось, пройдет стороной.
А он, осторожный и робкий вначале,
обрушился ливня стеклянной стеной.

И сразу запахло корою смолистой,
еще не остывшей от солнца травой.
А дождь нарастал, как рапсодия Листа,
такой же стремительный, звонкий, прямой.

С трудом изменяя характер строптивый,
он медленно, словно огонь, затухал,
возился в кустах придорожной крапивы
и вновь тарахтел по глухим лопухам.

С налета на брызги дробился о камень,
рубил неповинные листья сплеча
и вновь клокотал, и кипел под ногами,
как будто земля для него горяча.

И было такое желанье смешное:
забыть обо всем, с чем сегодня знаком,
разуться и узенькой тропкой лесною,
как в детстве, по лужам бежать босиком.

Как приходит весна

К. Е. Якушевой

На маленький Юршинский остров,
уставший от зимнего сна,
всегда удивительно просто,
бесшумно приходит весна.

Сначала в условных приметах,
не ясных другим иногда —
в особенной резкости света,
в росистой испарине льда.

Всё больше небесных промоин,
и вот, как предвестье чудес,
над скованным Рыбинским морем
отверзнется пропасть небес

такой изумительной сини,
что грудь для дыханья тесна.
Забытою четкостью линий
впервые тревожит весна.

А там, у истоков апреля,
услышишь полднейной порой:
работают дятлы-капели
над снежной непрочной корой.

В предчувствии птичьих набегов
в природе пойдет суета —
ручьи шевельнутся под снегом
с упрямой повадкой крота.

И медленно, трудно, неспоро
снега отползают во рвы.
На бурых горбах косогоров
прорежутся зубы травы.

И темною, влажною ночью
(наверно, их ветер принес),
как пчелы – мохнатые почки
обсядут лозинки берез.

Чтоб позже, в один из рассветов,
для нас неприметно, тайком,
подняться с насиженных веток

зеленым, крылатым листком.

Тогда в перелесках знакомых
приходит бродяжничать срок,
как рифму – по тем же законам —
отыскивать первый цветок.

Смотреть, как горит, не сгорая,
заря над простором лесным,
как листья налились до края
зеленою кровью весны.

«Чернила – не кровь...»

Чернила – не кровь,
а строка – не душа,
но есть исключительный случай,
когда замираешь,
почти не дыша,
в предчувствии редких созвучий.
В такую минуту,
над словом склоняясь
в сплошном отрицанье покоя,
поймешь ты,
что с временем держится связь
одной, неизбежной строкою.

Когда эту строчку ты всё же настиг,
и ей уже некуда деться,
то трудно понять,
где кончается стих
и где начинается сердце.

«Жухлый лист с оголенной крушины...»

Жухлый лист с оголенной крушины
в коченеющих пальцах зажав,
ты увидишь – дожди потушили
беспокойный осенний пожар.

И не то чтобы грусть или жалость —
не могу равнодушно смотреть,
как к садовой решетке прижалась
палых листьев холодная медь.

Это всё, что осталось от лета,
зеленевшего только вчера.
И печальную осень в букеты
собирает, смеясь, детвора.

Сад стоит, под ветрами и стужей
потемневший, сквозной и нагой.
И мальчишка хрустящую лужу
с нетерпением тронет ногой.

«Ветрам пока еще не время...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.